

К. Ю. Нефедов (Харьков)

Культ Селевка I Никатора в свете новых эпиграфических данных

В 2004 г. турецкой археологической экспедицией на месте древнего города Эги в Эолии была найдена надпись, представляющая собой значительный фрагмент почетного декрета этого города в честь царей Селевка и Антиоха. Надпись была опубликована только в 2009 г. [1] и до настоящего времени не привлекла к себе широкого внимания исследователей. Между тем, она является важным источником по истории эллинизма, ибо помогает существенно расширить наши знания о начальной стадии развития одного из наиболее неоднозначных явлений этой эпохи — культа правителя. В данном докладе нам бы хотелось кратко осветить содержание новонайденного декрета и показать, какое значение он имеет для понимания особенностей развития царского культа в государстве Селевкидов.

Предназначение надписи очевидно — она была составлена как почетный декрет полиса Эги в честь царей Селевка и Антиоха. Стиль написания букв характерен для конца IV — начала III вв. до н. э., поэтому чествуемые здесь цари — это основатель государства Селевкидов Селевк I Никатор и его сын Антиох I. Поскольку Селевк оказался в этом регионе только после победы над Лисимахом при Курупедионе, то есть не ранее февраля 281 г. до н. э., и был убит Птолемеем Керанном уже через семь месяцев, надпись можно точно датировать весной-летом 281 г.

В недошедшей до нас начальной части надписи речь должна была идти о причине воздаяния почестей Селевку и Антиоху. Из первых сохранившихся фраз ясно, что двух царей почтили за благодеяния полису. Из последующего текста надписи можно сделать вывод, что главное благодеяние Селевка и Антиоха — это освобождение города. Известно, что малоазийские города после битвы при Курупедионе чествовали Селевка за освобождение от власти Лисимаха и предоставление им «свободы» [2, S. 297–307]. Очевидно, культ в Эгах официально был учрежден за такие же заслуги.

После этого в надписи говорится, что цари должны быть почтены как «боги явленные». Эпитет «Эпифан» официально впервые был применен к Птолемею V в династическом культе на рубеже III и II вв. до н. э., а затем, иногда в сочетании со словом «теос», использовался другими эллинистическими царями [3, p. 281–284]. Предполагалось, что царь, получивший такой эпитет, «явил себя» в качестве истинного монарха, свергнув узурпаторов трона или разбив другого монарха на поле боя. В Эгах в качестве такого «богоподобного явления» вполне могли быть представлены действия Селевка и Антиоха в 281 г.: они «явились» как истинные цари — победили в бою недостойного правителя и освободили греков от его гнета.

Примечательно, что далее в тексте надписи двух первых Селевкидов называют без эпитетов или с эпитетом «Сотеры». Ясно, что последний более привычный для эпохи диадохов эпитет был официальным в эгском культе. Здесь, таким образом, мы сталкиваемся с переходной стадией — правителя как бы уже называют богом, но еще не решаются увековечить этот когномен в артефактах официального культа.

Далее в декрете описываются почести, которые жители Эг воздают Селевку и Антиоху [1, р. 40–43]. Этих почестей, насколько можно судить по сохранившейся части текста, было, как минимум, семнадцать. Все они носили сакральный характер и некоторые из них были весьма экстраординарны для эпохи диадохов. Особенно впечатляет в этом описании внушительный культовый комплекс в честь «Селевка и Антиоха Спасителей», который возводится в пригородном святилище Аполлона. В его состав входят храм, теменос, алтари и культовые статуи царей. Существенны были и жертвоприношения монархам — их полис учреждает, как минимум, пять. В честь царей организуется также празднество с поэтическим агонем, их именами называют две городские филы, а также два главных общественных сооружения в городе — пританейон и стратегейон, для культа назначается жрец и священный глашатай, произносящий их имена во время общегородских ритуалов, в календарь вводится месяц под названием «селевкейон».

После описания почестей говорится о необходимости с первым посольством сообщить о данном постановлении царю Селевку, попросить его о дальнейшем благорасположении и заверить, что жители Эг передадут «последующим поколениям память о его благодеяниях и поведают всему миру о том, как увенчали его прекрасным венком славы» [1, р. 43]. Данное заверение в сочетании со столь внушительными почестями и наименованием монархов «богами-явленными» свидетельствуют о том, что граждане Эг хотели придать почитанию Селевка и Антиоха показательный экстраординарный характер. Это не просто формальное чествование благодетеля полиса — это внушительный помпезный культ с монументальными культовыми зданиями, яркими празднествами и обильными жертвами. Из известных случаев эпохи диадохов с ним может сравниться по своему размаху только знаменитое чествование Антигона и Деметрия в Афинах [4, S. 44–57]. Но Эги Эолийские — не Афины, а небольшой полис с гораздо более скромными ресурсами. Почему же культ Селевкидов достиг здесь таких масштабов?

Для ответа на этот вопрос необходимо взглянуть на данный культ в контексте чествования первых Селевкидов в этот период в других городах. Известно, что их почитание получило в 281 г. широкое распространение. Различные элементы культа Селевка и его сына Антиоха засвидетельствованы в десяти полисах, но ни из одного из них не дошло документа, сравнимого по информативности с эгским декретом. Тем не менее, и сохранившиеся

источники не оставляют сомнений в том, что во всех указанных городах культ Селевкидов в чем-то был подобен эгскому. В надписях из Колофона, Магнесии-на-Меандре, Клароса, Нисы, Антиохии в Мигдонии упоминаются городские филы, названные в честь царей [4, S. 105–108]. В Илионе существовали алтарь Селевка, состязания в его честь, включавшие, кроме прочего, и музыкальный агон, которые проходили в месяце «селевкейон» [5, № 212]. В Эритрах празднества в честь Селевка проводились параллельно Дионисиям [6, № 24, 27]. На о. Лемнос Селевка именовали «Сотером», его призывали под этим именем во время возлияний, и здесь же были возведены храмы в честь Селевка и Антиоха (Athen., 254f–255a) — почеть для эпохи диадохов находящая параллель только в Эгах. В Илионе и Эритрах культ Селевка был связан с почитанием Аполлона, причем в Эритрах его даже именовали «сыном Аполлона» в строках, присоединенных к местному гимну в честь Асклепия [6, № 205, vs. 75–76]

Таким образом, на фоне других свидетельств почитания Селевка и Антиоха в 281 г. до н. э. эгский культ выглядит не таким уникальным, как это может показаться. Культ в Эгах является не исключением, а скорее ярким примером культового почитания Селевка и его сына после битвы при Курупедионе, известным нам лучше других благодаря хорошей сохранности источника. Почему же культ Селевкидов получил в греческих городах такое развитие в это время? Объяснять этот яркий феномен просто желанием отблагодарить царей за «спасение» от Лисимаха вряд ли правильно. Скорее, здесь надо обратить внимание на статус Селевка в эллинистическом мире после битвы при Курупедионе. Он не просто победил в этой битве очередного соперника, но и подчинил своей власти почти всю империю Александра. Он был теперь последним из оставшихся в живых диадохов, «победителем победителей» (Just., XVII, 2, 2). Селевк, казалось, находился в шаге от мирового господства и не собирался упускать возможности стать «вторым Александром». Естественно, что греческие полисы, обеспокоенные своим будущим, стремились всеми возможными способами засвидетельствовать свое почтение к новому правителю ойкумены. Сам Селевк в такой ситуации, несомненно, был крайне заинтересован в богоравном чествовании, причем в наиболее экстремальных формах. Ведь если эллины оказывают ему более значительный почет, чем другим диадохам, значит, признают за ним более высокий статус, то есть приравнивают его, как минимум, к Александру. Все это, несомненно, и способствовало тому, что культ Селевка и Антиоха за семь месяцев после битвы при Курупедионе приобрел столь внушительный размах.

Судя по наличию в культе первых Селевкидов в разных городах значительных сходств, его распространение каким-то образом контролировалось «сверху». Вероятно, существовал, некий общий шаблон культового чествования Селевка и Антиоха, о котором так или иначе были осведомлены ини-

циаторы полисных культов. Это, конечно, не исключало возможности местных вариаций в выборе конкретных почестей, которые должны были «привязать» культы новых царей к локальной традиции. Очень показательным также является связь полисных культов с почитанием Аполлона, который считался покровителем и даже прародителем Селевка [7, с. 177–196].

Итак, культ Селевка и Антиоха в Эгах, судя по всему, был частью их массового культового почитания в греческих городах, организованного при участии самих царей и призванного обосновать их право на власть над всей империей Александра. Экстремальные тенденции в чествовании царей нашли свое проявление в Эгах, видимо, потому, что в этом были заинтересованы сами монархи, готовившиеся к установлению «мирового господства». Новая надпись из Эг стала как бы связующим звеном между отдельными культами Селевка и Антиоха и дала возможность представить целостную картину их культового почитания в 281 г. В этом заключается главное значение этого документа для культа Селевкидов, равно как и культа правителя в целом.

Литература

1. *Malay H., Riel M.* Two New Hellenistic Decrees from Aigai in Aiolis // *Epigraphica Anatolica*. — 2009. — Vol. 42.
2. *Mehl A.* Seleukos Nikator und sein Reich. — Leuven, 1986.
3. *Muccioli F.* Gli epiteti ufficiali dei re ellenistici. — Stuttgart, 2013.
4. *Habicht C.* Gottmenschentum und griechische Städte. — München, 1970.
5. *Dittenberger W.* Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. V. 1. — Leipzig, 1903.
6. *Engelmann H., Merkelbach R.* Die Inschriften von Erythrai und Klazomenai. — Bonn, 1972.
7. *Нефедов К. Ю.* Селевк Никатор и Аполлон // Доісламський Близький Схід: історія, релігія, культура. — К., 2014.

